

МОРОЗКО

На Севере Руси наступил конец зимы: воздух пропитался влагой, которая не была ни дождем, ни снегом. Яркие февральские картины сменились унылым серым мартом, и все домочадцы Петра Владимировича шмыгали носом от сырости и совсем отождели после шестинедельного поста на одном только черном хлебе и квашеной капусте. Однако все забыли про цыпки и мокрые носы, и даже не вспоминали тоскливо про кашу и жаркое: Дуня собралась рассказывать сказку.

Этим вечером старушка устроилась на самом подходящем для рассказов месте: на кухне, на деревянной лавке у печи. Печь была огромная, сложенная из обожженной глины, выше человеческого роста и такая большая, что внутрь вполне могли бы влезть все четыре чада Петра Владимировича. Плоская верхняя часть, полати, служила спальным местом, а разведенный внутри огонь давал возможность приготовить еду и обогрел кухню. Там же можно было устроить баню для хворающих.

— Что вам рассказать сегодня? — спросила Дуня, с удовольствием грея спину.

Дети Петра сидели перед ней на табуретах на скамьях. Они обожали сказки, даже второй сын, Саша, который старался быть набожным и заявил бы (если бы его спросили), что предпочитает провести вечер в молитвах. Однако в церкви было хо-

лодно, а на улице не прекращалась морось. Саша высунул было голову за дверь, но, получив в лицо шлепок мокрого ветра, сдался и вернулся на скамью чуть в стороне от остальных, где и устроился, изобразив на лице благочестивое равнодушие.

Остальные на вопрос Дуни ответили возгласами:

- Финист Ясный Сокол!
- Иван-царевич и серый волк!
- Жар-птица! Жар-птица!

Маленький Алеша вскочил на сиденье и замахал руками, чтобы перекричать старших, так что волкодав Петра проснулся и поднял свою крупную, покрытую шрамами башку.

Но Дуня не успела ничего им сказать: входная дверь с шумом распахнулась, впуская в дом рев бури. В дверях появилась женщина, стряхивавшая влагу с длинных черных волос. Лицо у нее покраснело от холода, она казалась даже более худой, чем дети: огонь отбросил тени на запавшие виски, щеки и ямку на шее. Ее глубоко посаженные глаза отразили пламя. Нагнувшись, она подхватила Алешу на руки.

Ребенок радостно завизжал.

- Матушка моя! — крикнул он. — Маменька!

Марина Ивановна устроилась на скамье, придвинув ее ближе к огню. Алеша, оставшийся у нее на руках, вцепился обеими руками в ее косу*. Она дрожала, впрочем, под теплой одеждой это было не очень заметно.

---

* На Руси замужние женщины заплетали волосы в две косы и укладывали их венцом на голове. Обязательно покрывались платком. Но в фэнтези допустимы расхождения с историческими фактами. (Прим. ред.)

— Хоть бы эта несчастная овца сегодня разродилась! — сказала она. — Иначе, боюсь, нам вашего отца больше не увидать. Рассказываешь сказки, Дуня?

— Если будет тихо, — лукаво отозвалась старуха.

Когда-то давно она была нянькой и у Марины.

— Я хочу сказку, — сразу же откликнулась Марина. Голос ее звучал беззаботно, но во взгляде сквозило беспокойство. Дуня пристально посмотрела на нее. На улице рыдал ветер. — Расскажи нам про Морозко, Дуняша. Расскажи о ледяном чудище, о зимнем царе Карачуне. Он сегодня бродит вокруг и злится на оттепель.

Дуня медлила. Старшие дети переглянулись. На Руси хозяина зимы называли Морозко: он был повелителем холодов. Но когда-то давно народ называл его Карачуном, богом смерти. Под этим именем он властвовал темными зимами, приходил за непослушными детьми ночью и морозил их. Это имя было дурным знаком, и его не следовало произносить, пока царила зима. Марина прижимала к себе сына очень крепко. Алеша заерзал и дернул мать за косу.

— Хорошо, — согласилась Дуня, немного поколебавшись. — Я расскажу вам про Морозко — про его доброту и жестокость.

Она чуть выделила голосом это имя: безопасное, которое не могло накликать на них беду. Марина усмехнулась и разжала руки сына, освободив косу. Остальные не стали протестовать, хотя это была старая сказка, которую все они уже много раз слышали. Рассказанная красивым ясным голосом Дуни, она не могла не радовать.

— В некотором княжестве... — начала Дуня и, замолчав, укоризненно посмотрела на Алешу, который верещал, словно летучая мышь, и подпрыгивал у матери на коленях.

— Тихо, — шикнула на него Марина и снова отдала ему конец своей косы в качестве игрушки.

— В некотором княжестве, — снова повторила старушка с важностью, — жил крестьянин, у которого была красавица-дочь.

— А как ее звали? — пробормотал Алеша.

Он уже достиг того возраста, когда достоверность сказок проверяют, выпытывая у рассказчика точные подробности.

— Ее звали Марфа, — ответила старушка. — Крошка-девонька Марфа. И она была прекрасна как солнечный июньский денек, и к тому же отважная и добросердечная. Вот только матери у Марфы не было: ее матушка умерла, когда она была еще младенчиком. Хотя отец Марфы снова женился, Марфа оставалась без матери, словно настоящая сирота. Потому что, пусть мачеха у Марфы и была хороша собой, как рассказывают, и пекла чудесные пироги, ткала тонкие холсты и варила вкусный квас, сердце у нее было холодное и злое. Она ненавидела Марфу за ее красоту и доброту, и во всем потакала своей родной уродливой и ленивой дочке. Сначала мачеха пыталась превратить саму Марфу в уродину, поручая самую тяжелую работу по дому, чтобы руки у нее стали корявые, спина согнулась, а лицо сморщилось. Вот только Марфа была девочка сильная и, возможно, немного была чародейкой, потому что делала всю работу без жалоб, и с каждым годом становилась все красивее и красивее. И потому ее мачеха... — Тут Дуня увидела, что Алеша снова открывает рот, и добавила: — Дарьей Николаевной ее звали — увидев, что не удастся ей сделать Марфу злой и уродливой, решила раз и навсегда избавиться от девушки. И вот как-то раз в разгар зимы Дарья

обратилась к своему мужу и сказала: «Муженек, по моему, пора нашей Марфе выйти замуж».

А Марфа тогда была в избе, пекла блины. Она посмотрела на мачеху с радостным удивлением, потому что та раньше на нее внимание обращала только для того, чтобы отругать. Вот только ее радость быстро обернулась испугом. «И я нашла ей хорошего мужа. Посади ее на сани и отвези в лес. Мы выдадим ее за Морозко, повелителя зимы. Разве может девица мечтать о лучшем женихе? Он же повелитель белого снега, черных елей и серебряного инея!»

Муженек ее, а звали его Борисом Борисовичем, уставился на жену с ужасом. Борис ведь свою дочку любил, а холодные объятия зимнего бога не для смертных девиц. Но, наверное, Дарья и сама немного ворожить умела, потому что муж ни в чем ей отказать не мог. Со слезами посадил он дочку на сани, завез в глухой лес и оставил у большой ели.

Долго девушка сидела одна, тряслась и дрожала, и замерзала все сильнее. Наконец она услышала громкий топот и треск. Подняла она голову и увидела, что сам Морозко к ней идет: скачет между деревьев и прищелкивает пальцами.

— Но какой он с виду? — спросила Ольга.

Дуня пожала плечами.

— Что до этого, то все разное сказывают. Кто-то говорит, что он просто холодный трескучий ветер, шелестящий между елей. Другие говорят, что он — старик на санях, со сверкающими глазами и ледяными руками. А еще другие твердят, что он похож на воина в расцвете сил, только одет во все белое и оружие у него изо льда. Никто не знает. Но что-то пришло к Марфе, пока она там сидела: ледяной ветер ударил ей в лицо, и стало ей еще холоднее.

А потом Морозко заговорил с ней голосом зимней вьюги и бурана: «Тепло ли тебе, красавица?»

Марфа была девушка воспитанная и все свои беды сносила, не жалуясь, и потому ответила: «Тепло, спасибо, государь Морозко». Тут демон хозяин зимы захохотал — и ветер стал еще сильнее. Верхушки деревьев застонали, а Морозко снова спросил: «А теперь? Тепло ли тебе, милая?» Хоть Марфа едва могла говорить от холода, она снова ответила: «Тепло. Мне тепло, спасибо». Тогда начался настоящий буран: ветер выл и хлестал по лицу так, что бедняжка Марфа уже ждала, что ей всю кожу сорвет. Но Морозко уже больше не смеялся, и когда он снова спросил: «Тепло ли тебе, моя милая?», она ответила, еле шевеля заковченными губами, хоть у нее в глазах уже стало черным-черно: «Да... тепло. Мне тепло, государь мой Морозко».

Тогда тот восхитился ее отвагой и сжалился над ее бедой. Он завернул Марфу в свою шубу из синей парчи и посадил на сани. Выехав из леса, он высадил девушку у дверей избы: она так и осталась в великолепной шубе, а в руках держала шкатулку с самоцветами, золотыми и серебряными украшениями. Снова увидев дочку, отец заплакал от радости. А вот Дарья и ее дочь пришли в ярость при виде Марфы, богато одетой и сияющей, да еще и с княжескими богатствами. Так что Дарья повернулась к мужу и сказала: «Муженек, быстрее! Вези мою дочку Лизоньку на своих санях. Те подарки, что Морозко дал Марфе, померкнут рядом с теми, что подарит он моей дочке!»

Хоть в душе Борис и был против этой глупости, он посадил Лизу на сани. На девушке было самое нарядное платье, куталась она в теплые меховые шубы. Отец завез ее далеко в лес и оставил под той

же елью. Лиза тоже просидела там долго. Она стала уже сильно замерзать, несмотря на шубы, когда Морозко, наконец, вышел из-за деревьев, прищелкивая пальцами и чему-то смеясь. Пританцовывая, он подошел прямо к Лизе идохнул ей в лицо — и дыхание его было северным ветром, который промораживает до костей. Он улыбнулся и спросил: «Тепло тебе, милая?» Дрожа всем телом, Лиза ответила: «Конечно, нет, дурень! Неужто не видишь, что я помираю от холода?»

Ветер завыл еще сильнее, дуюя резкими до боли порывами. Перекрикивая шум, Морозко спросил: «А теперь? Согрелась ли?» Девушка заверещала в ответ: «Нет, идиот! Я замерзла. Мне еще никогда не было так холодно! Я жду моего жениха Морозко, но этот увалень еще не пришел». Когда Морозко это услышал, глаза у него стали жесткими как алмаз. Он обхватил ее шею пальцами, наклонился и прошептал девушке на ухо: «А теперь тебе тепло, голубка?» Но девушка не смогла ответить: когда он ее коснулся, она умерла — и теперь лежала замерзшая на снегу.

Дома ждала Дарья, расхаживая туда-сюда. «Две шкатулки золота, не меньше, — говорила она, потирая руки. — Подвенечное платье из лучшего бархата и свадебные одеяла из тонкой шерсти». Ее муж молчал. Тени становились все длиннее, а ее дочери так и не было видно. Наконец Дарья отправила мужа за девушкой, приказав поосторожнее обращаться с ее шкатулками с сокровищами.

Когда Борис приехал к ели, где утром оставил дочь, никакого сокровища там не оказалось — только сама девушка лежала мертвая на снегу.

С тяжелым сердцем он поднял дочь на руки и привез домой. Мать выбежала встречать их. «Лизонька! — окликнула она ее. — Милая моя!»

И тут она увидела тело дочери, лежащее в саях. В это мгновение палец Морозко дотронулся до сердца Дарьи, и она упала замертво.

Все немного помолчали, оценив услышанное.

А потом Ольга жалобно спросила:

— А что же стало с Марфой? Она вышла за него? За царя Морозко?

— Вот уж и правда, холодные руки, — пробормотал Коля с ухмылкой, ни к кому в особенности не обращаясь.

Дуня строго на него посмотрела, но ответом не удостоила.

— Да нет, Олюшка, — сказала она девочке, — не думаю. Зачем Морозко смертная девушка? Скорее всего, она стала женой какого-нибудь богатого крестьянина, принеся ему самое богатое приданое на всей Руси.

Похоже, Оля собиралась возмутиться таким неромантичным концом, но Дуня уже встала, хрустя костями, и собралась идти спать. Полати были широкими, как большая кровать, и на ней спали старики, малые дети и хворые. Дуня устроилась там с Алешей.

Остальные поцеловали мать и разошлись. Наконец встала и сама Марина. Несмотря на зимнюю одежду, Дуня опять заметила, насколько та исхудала — и сердце у старушки заныло.

«Скоро весна, — утешила она себя. — Леса зазеленеют, а скотина станет давать жирное молоко. И я испеку ей пирог с яйцами, капустой и дичью, и на солнышке она снова станет здоровой».

Однако взгляд Марины наполнял старую нянюшку тревогой.

ВЕДЬМИНА ВНУЧКА

Ягненок наконец-то вышел: лохматый и тощий, черный, словно мертвое дерево под дождем. Овца принялась решительно вылизывать малыша, и вскоре крошечное создание уже стояло, покачиваясь на своих малюсеньких копытцах.

— Молодец, — сказал Петр Владимирович овце и тоже встал. Ноющая спина запротестовала, когда он ее распрямил. — Но ночку могла бы выбрать и поудачнее.

Ветер за стенами завывал как домовый. Овца равнодушно помахала хвостом. Петр ухмыльнулся и оставил их. Отличный барашек, родился в лоне запоздалого зимнего бурана. Добрый знак.

Петр Владимирович был важным человеком: боярином с богатыми угодьями и множеством людей, готовых выполнять его приказы. Проводил он ночи с рожающими животными исключительно потому, что сам так решил. Однако он неизменно присутствовал при том, как новое существо появлялось на свет, пополняя его стада — и часто извлекал его на белый свет собственными измазанными в крови руками.

Ледяной дождь прекратился, небо начало расчищаться. Несколько отважных звезд уже показались сквозь тучи, когда Петр вышел на двор, закрыв за собой двери хлева. Несмотря на сырую погоду, его дом был почти по крышу погребен

скопившимся за зиму снегом. Только островерхая крыша и трубы остались снаружи, да еще пространство у двери, которое дворовые Петра старательно расчищали.

В летней части его просторного дома были большие окна и открытый очаг. Вот только с приходом зимы эту часть закрывали — и сейчас она выглядела совсем заброшенной, засыпанная снегом и скованная льдом. В зимней части дома были громадные печки и маленькие, высоко расположенные окна. Из труб постоянно струился дым, и при первых же заморозках Петр вставлял в оконные рамы куски льда, чтобы останавливать холод, но пропускать свет. Сейчас огонь, горевший в спальне его жены, отбрасывал колеблющуюся полосу золотого света на снег.

Подумав о жене, Петр ускорил шаги. Марина будет рада узнать про ягненка.

Переходы между дворовыми постройками были перекрыты крышами и вымощены бревнами, защищая от снега и грязи. Однако ледяной дождь шел с рассвета, и задуваемая ветром влага пропитала дерево и замерзла. Дорога была коварной, мокрые сугробы, выщербленные каплями дождя, были в рост человека, однако ноги Петра, обутые в валяные и отороченные мехом сапоги, ступали уверенно. Задержавшись на сонной кухне, он полил воды на грязные руки. На печи Алеша заворочался и всхлипнул во сне.

Комната его жены была небольшой — из-за морозов, — но ярко освещалась и, по меркам севера, была роскошной. Деревянные стены были обиты тканью. Прекрасный ковер (часть Маринино приданого) проделал долгий и непростой путь из самого Царьграда. Фантастическая резьба покры-

вала деревянные скамьи, одеяла из волчьего и заячьего меха лежали дымчатыми грудями.

От небольшой печурки в углу шел яркий свет. Марина еще не ложилась: она сидела у огня, закутавшись в халат из белой шерсти, и расчесывала волосы. Даже после рождения четырех детей волосы у нее оставались густыми и темными, и доходили почти до коленей. В сумеречном свете огня она казалась очень похожей на ту невесту, которую Петр привез в свой дом так много лет назад.

— Все закончилось? — спросила Марина.

Отложив гребень, она начала заплетать косу. Взгляд ее не отрывался от печки.

— Да, — ответил Петр рассеянно. В приветливом тепле он сбросил с себя кафтан. — Красивый барашек. И мать тоже здорова: добрый знак.

Марина улыбнулась.

— Рада, это нам понадобится, — сказала она. — Я жду ребенка.

Петр вздрогнул, запутавшись в рубашке. Он открыл было рот — и снова его закрыл. Такое, конечно, могло быть, вот только она уже стара для этого, а этой зимой настолько похудела...

— Опять? — спросил он.

Выпрямившись, он отложил рубашку в сторону.

По голосу Марина поняла, что он расстроен, и ее губы тронула грустная улыбка. Она закрепила конец косы кожаным шнурком, и только потом ответила.

— Да, — подтвердила она, забрасывая косу на спину. — Девочку. Она родится осенью.

— Марина...

Его жена слышала невысказанный вопрос.

— Я ее хотела, — сказала она. — И сейчас хочу. —
А потом совсем тихо добавила: — Хочу такую дочь,
какой была моя мать.

Петр нахмурился. Марина никогда не говорила
о своей матери. Дуня, жившая с Мариной в Москве,
упоминала о ней крайне редко.

В правление Ивана Первого молодая нищенка
въехала в ворота кремля — одна, если не считать
рослого серого коня.

Она была грязная, голодная и усталая, но за ней
по пятам шли слухи. Люди говорили, что она была
необычайно грациозная, и глаза у нее были как
у сказочной девы Лебедь. В конце концов, слухи до-
стигли ушей великого князя.

— Приведите ее ко мне, — приказал Иван, кото-
рого рассказы слегка позабавили. — Никогда не
видел девицы-лебедушки.

Иван Калита был жестоким князем — властолю-
бивым, холодным, хитроумным и жадным. Иначе
ему было бы не выжить: Москва быстро убивала
своих князей. И все же, как потом рассказывали бо-
яре, как только Иван увидел эту девушку, то застыл
как вкопанный и сидел, не шелохнувшись. Кое-кто
из самых наблюдательных клялся, что, когда он
подошел к ней и взял за руку, глаза у него были
влажными.

К тому времени Иван был уже дважды вдовцом,
и его первый сын был старше его юной возлюблен-
ной, однако спустя год князь женился на этой таин-
ственной девушке. Вот только даже великий князь
не смог прекратить пересуды. Княгиня не говори-
ла, откуда явилась — ни тогда, ни потом. Служанки
шептались, будто она способна укрощать зверей,
видеть будущее и вызывать дождь.

Петр поднял свою верхнюю одежду и повесил рядом с печкой. Будучи человеком практичным, он всегда отмахивался от слухов. Однако сейчас его жена сидела странно неподвижно и смотрела в огонь. Только пламя плясало, покрывая позолотой ее руку и шею. Петру стало тревожно. Он начал расхаживать по комнате.

Русь была христианской с той поры, как Владимир крестил весь Киев в Днепре и протащил поверженных идолов по улицам. Тем не менее, страна была огромной и менялась медленно. Даже спустя пятьсот лет после появления монахов в Киеве Русь все еще кишела непонятными силами — и какие-то из них мелькали в мудрых глазах странной княгини. Церкви это не нравилось. По требованию епископов Марину — ее единственного ребенка — выдали замуж за боярина из вьюжной глуши, во многих днях пути от Москвы.

Петр часто благодарил свою счастливую судьбу. Его жена была столь же мудрой, сколь и красивой. Он любил ее, а она — его. Однако Марина никогда не говорила о своей матери. А Петр никогда не спрашивал. Их дочь, Ольга, была обычной девочкой, хорошенькой и послушной. Им не нужна была еще одна девочка — и уж точно не нужна была наследница непонятных способностей странной бабки.

— Ты уверена, что у тебя на это хватит сил? — спросил, наконец, Петр. — Даже Алеша стал нежданым, а ведь это было три года назад.

— Да, — ответила Марина, поворачиваясь к нему. Ее рука медленно сжалась в кулак, но он этого не увидел. — Я увижу ее рождение.

Наступило молчанье.

— Марина, твоя мать была...

Жена ухватила за руку Петра и встала. Он обхватил ее за талию и почувствовал, как она напруглась.

— Я не знаю, — сказала Марина. — У нее были такие силы, которых нет у меня. Я помню, как в Москве шептались боярыни. Но дар передается женщинам ее рода. Ольга больше твоя дочь, чем моя, а вот эта... — Маринина свободная рука приподнялась, согнувшись так, словно качала ребенка, — ...эта будет другая.

Петр обнял жену еще крепче. Она прижалась к нему с неожиданной силой. Ее сердце стучало у его груди. Она была такой теплой в его объятиях! Он почувствовал аромат ее волос, чисто вымытых в бане. «Уже ничего не изменить, — подумал Петр. — Зачем накликать беду?» Он успокаивал себя тем, что женское дело — рожать детей. Жена уже подарила ему четверых, но, конечно же, сумеет родить и еще раз. Если у младенца окажется какая-то странность... ну, совсем не обязательно думать об этом сейчас.

— Тогда носи ее в добром здравии, Марина Ивановна, — сказал он. Его жена улыбнулась. Она сидела спиной к огню, так что он не увидел ее мокрых ресниц. Чуть приподняв ей подбородок, он поцеловал ее. У нее на шее билась жилка. Она была такой худой — хрупкой, словно птичка — под своим плотным халатом. — Ложись в постель, — предложил он. — Завтра будет молоко: овца сможет немного поделиться. Дуня его тебе протомит. Тебе надо думать о малышке.

Марина прижалась к нему. Он подхватил ее на руки, как во времена жениховства, и немного покругил. Она со смехом обняла его за шею. Вот только ее глаза на мгновение устремились за его спину, заглянули в огонь, словно она могла прочесть будущее в языках пламени.

— Скинь плод, — говорила Дуня на следующий день. — Мне нет дела до того, кого ты носишь: девочку, князя или пророка древности.

С рассветом ледяной дождь нахлынул обратно и сейчас барабанил за окном. Обе женщины жались у печки — ради тепла и ради света, чтобы заниматься штопкой*.

Дуня сердито воткнула иглу в ткань:

— И чем быстрее, тем лучше. У тебя ни тела, ни сил нет, чтобы выносить дитя, а если каким-то чудом и выносишь, то роды тебя прикончат. Ты уже подарила мужу трех сыновей, и дочка у тебя есть, зачем тебе еще одна?

Дуня была Марининой нянюшкой в Москве, приехала с ней в дом ее мужа и нянчила всех ее четырех детей. Ей было дозволено говорить все, что вздумается.

Марина чуть насмешливо улыбнулась.

— Что за речи, Дуняшка, — сказала она. — А что скажет отец Симеон?

---

* Штопкой занимались крестьянки. Боярыни и княгини владели искусством вышивания, церковным золотым шитьем. Возможно, здесь боярыня штопает от скуки. (Прим. ред.)

— Отец Симеон родами не помрет, так ведь? А вот ты, Маринушка...

Марина смотрела на свое рукоделие и ничего не отвечала. Однако когда она встретилась взглядом с прищуренными глазами своей нянюшки, Дуня увидела бледное, как снег, лицо, и ей показалось, что она видит, как кровь медленно отступает по ее щеке все дальше. Дуня похолодела.

— Деточка, что ты увидела?

— Это не важно, — ответила Марина.

— Скинь его! — повторила Дуня почти с мольбой.

— Дуня, я должна ее родить: она будет как моя мать.

— Твоя мать! Та нищенка, что выехала на коне из леса? Та, которая превратилась в собственную тень, потому что ей невыносимо было всю жизнь прятаться за византийскими ширмами? Забыла, какой посеревшей каргой она стала? Как ковыляла в церковь, закрывая лицо? Как сидела у себя в комнатах и жрала, пока не стала круглой и жирной, с совершенно пустыми глазами? Твоя мать! Неужели ты такого пожелаешь своему ребенку?

Дуня каркала, словно вещая птица: она, на своем горе, помнила ту девушку, которая попала в палаты Ивана Калиты: растерянную, хрупкую и до боли прекрасную, в облаке чудес. Иван потерял голову. Княгиня... ну, возможно, она нашла рядом с ним покой — по крайней мере, ненадолго. Однако ее поселили на женской половине, одели в тяжелую парчу, окружили иконами, прислугой и сытной едой. Понемногу огненное сияние — свет, от которого дух захватывало — померк. Дуня оплакала ее смерть задолго до того, как ее положили в могилу.

Марина горько улыбнулась и покачала головой.

❁ Медведь и Соловей ❁

— Не пожелаю. Но помнишь, что было до того? Ты, бывало, мне рассказывала.

— И много ей проку было от волшебства или чудес, — заворчала Дуня.

— У меня только малая часть ее дара, — продолжила Марина, не обращая внимания на свою старую няньку. Дуня достаточно хорошо знала свою госпожу, чтобы услышать в ее голосе сожаление. — А вот у моей дочери будет больше.

— И ради этого стоит оставлять остальных четырех без матери?

Марина опустила глаза.

— Я... нет. Да. Если понадобится. — Ее голос стал еле слышным. — Но я могу и выжить. — Она подняла голову. — Ты дашь мне слово, что о них позаботишься, правда?

— Маринушка, я старая. Я могу тебе пообещать, но когда я умру...

— С ними все будет хорошо. Они... Им придется. Дуня, я не вижу будущее, но до ее рождения я доживу.

Дуня перекрестилась и больше ничего не сказала.